

Тата Шу

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АНЕСТЕЗИЯ

Тата Шу

Анестезия

<https://litres.ru/74355518>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эльдар — блестящий хирург, привыкший резать по живому и зашивать с филигранной точностью. Но, в отличие от операционной, где он полностью контролирует каждый свой шаг, в собственной жизни он давно поставил чувства под анестезию. Его мир — это холодный расчет, головокружительный взлет от бедности к успеху, жесткая сделка с совестью и безупречная броня циничного одиночества. Он научился просчитывать все, кроме одного — женщину, которая бесцеремонно ворвется в его идеально выстроенную реальность.

Эльдара, привыкшего к тому, что женщины сдаются без боя, ее напор и независимость одновременно бесят и завораживают. Это история о том, как самый непрошибаемый циник рискует всем, чтобы ожить, и о том, как иногда, чтобы спасти чужую жизнь, нужно перестать бояться жить своей.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	44
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анестезия

Глава 1

Что человек хочет в жизни больше всего? Любой ответит не задумываясь: здоровья, любви и денег. И желательно, чтобы последних было побольше. Эльдар Юдин знал этот расклад с детства, только расставлял приоритеты иначе: сначала здоровье, потом всё остальное. Деньги же, по его глубокому убеждению, были самой ненадёжной из трёх вещей. Их отсутствие он привык не замечать, точно хроническую боль, с которой научился жить.

Пацаном своё имя Эльдар не любил. Наверное, потому что это мать назвала его в честь знаменитости — то ли певца, то ли актёра, чья популярность испарилась быстрее, чем утренний туман в их родном городе. А ещё больше он не любил это имя потому, что сама мать, Лидия, испарилась в том самом тумане, когда Эль был пацаном. Она сбежала с каким-то проезжим коммерсантом, оставив сына отцу и бабушке. С тех пор Эльдар ни разу не видел её даже на фотографиях — все снимки отец молча выкинул в мусор на следующий же день. Это потом Эльдар поймёт, что «Эльдар Юдин» — это красиво и незамылено.

Бабушка — вот кто держал их шаткий мир. Нина Степа-

новна работала кладовщиком на заводе. Эльдар до сих пор помнил запах её рук, въевшийся от рабочего инструмента, который она выдавала, «приправленный» валерьянкой. После побега снохи она не просто загрустила — она словно дала трещину. Сначала заболели суставы, потом сердце, а затем и вовсе нашёлся какой-то тягучий недуг, которому врачи никак не могли подобрать названия.

И тогда Эль, глядя, как бабушка морщится от боли, но всё равно варит ему гречневую кашу с маслом, дал себе слово. Он вырастет, станет врачом и вылечит её. Он сделает всё, чтобы она больше никогда не хваталась за стену, когда резко встаёт с кровати.

Отец — Виктор Юдин — не сломался после ухода жены. По крайней мере, внешне. Он каждый день ходил на завод, каждый месяц приносил зарплату, пил чай из подстаканника, чистил свои единственные туфли кремом «Киви». Просто он практически перестал разговаривать с сыном. Не наказывал, не кричал — именно перестал разговаривать. За ужином они сидели молча, как два пассажира в купе поезда, случайно оказавшиеся в одном вагоне.

Элю тогда казалось, что отец винит его. Что мама сбежала из-за того, что Эль был недостаточно хорошим сыном — шумным, неудобным, похожим на неё то ли разрезом глаз, то ли привычкой громко смеяться. Разумеется, он был неправ. Сейчас, будучи взрослым, он понимал: отец просто замкнулся. Переживал потерю так, как умел — молча, сжав зубы,

без единого разговора по душам. Но то понимание пришло позже. А в детстве Эль вынес из дома одно твёрдое убеждение: если ты не можешь что-то исправить словами, исправляй делами.

И он исправлял.

За плечами остались школа с золотой медалью, медицинский — с красным дипломом, ординатура, бесконечные ночи над учебниками и первые, робкие успехи в хирургии. К тридцати годам Эльдар Юдин был дипломированным и, как шептались в отделении, талантливым хирургом. Кто-то из профессоров даже прозвал его «золотые руки» — без пафоса, просто констатируя факт: вяжет анастомозы быстрее и надёжнее многих опытных коллег.

Но золотые руки жили в съёмной однушке на окраине, где на кухне не закрывалась дверца шкафа, а по ночам из крана капала вода с ритмом метронома. Работал он в бюджетном стационаре, где бинты приходилось экономить, а аппараты ИВЛ помнили перестройку. Молодые коллеги разбежались по частным клиникам, где платили в пять раз больше. Кто-то подался в большие города. Но Эльдар оставался. В областном городе, где учился. По одной простой причине — здесь, где нет шикарных условий для работы, научишься быстрее быть хирургом «от Бога». И была ещё одна причина — бабушка. Он периодически привозил её в областную больницу, где хоть как-то облегчали её состояние. А сам Эльдар мог её навещать, привозить чистое бельё и домашнюю еду.

Но Нина Степановна каждый раз возвращалась домой, в родной город, где жила с его отцом, с тем же набором болезней, и Элю приходилось каждые выходные ездить к ней за сто километров. Последний протокол лечения не сработал, новый требовал дорогих препаратов. А ещё нужен был хороший невролог — платный, внимательный, а не тот перегруженный доктор из поликлиники, который уделяет пациенту ровно четыре с половиной минуты. И который принимает потом в платной клинике. Но лечить так же как и в поликлинике.

Эльдар снял перчатки после очередной операции — аппендицит, прошло чисто — и взглянул на телефон. В экране отразилось лицо уставшего тридцатилетнего мужчины с резкими скулами и почти чёрными глазами. «Глаза матери», — подумал он и тут же отогнал эту мысль.

Завтра суббота. Надо ехать к бабушке. Надо привезти лекарства. Надо ещё где-то найти пятьдесят тысяч на того самого невролога в столице.

Эльдар сунул телефон в карман халата и вышел в коридор отделения. Из ординаторской доносился смех — молодые медсёстры пили чай с облепихой и смотрели сериал про богатых. «Вот кому живётся легко», — мелькнула привычная, незлая мысль. Но он тут же себя одёрнул. Он сам выбрал эту дорогу. Ещё мальчишкой, глядя на морщинистые руки бабушки, которые мяти тесто для пирожков.

Он вылечит её. Он дал слово. А свои слова Эльдар Юдин

привык держать. Даже когда весь мир против. Даже когда в кошельке — три тысячи до зарплаты. Даже когда отец по-прежнему молчит, а мать так и не появилась в утреннем тумане.

Он хирург. Он знает, как резать по живому, но главное — как потом зашивать. И свою собственную жизнь он зашьёт как надо. Аккуратно. Крепко. Так, чтобы швы выдержали что угодно. А пока его душа жила под анестезией. Сейчас было не время выводить её из этого состояния. А то может случиться так, что станет мучительно больно, а помочь будет не кому.

Глава 2

Перемены начались с тихой, почти незаметной замены таблички на входе. Старое название «Городская больница № 1» дополнилось звучной приставкой «Клинический диагностический центр». Эльдар тогда только пожал плечами: вывеска — дело наживное, а вот ржавые капельницы в процедурной и вечно занятый единственный кардиограф так никуда и не денутся.

Ошибся.

Нового главврача звали Борис Семёнович Куницкий. Он появился в понедельник утром, в костюме, который здесь никто никогда не носил, и с улыбкой, которую здесь никто не умел. Эльдар в тот день как раз дежурил и видел, как новое начальство обходит отделения. Куницкий ничему не удивлялся: ни отваливающейся плитке, ни запаху карболки, ни вечно подвыпившего санитаря дяди Гриши. Он просто молча кивал, изредка задавая вопросы, на которые никто не знал ответов.

А через месяц больница неузнаваемо вздрогнула и побежала. По какой причине точно никто не знал.

Пришла новая медтехника — сначала один компьютерный томограф, потом два. Открылось платное отделение с палатами, которые больше напоминали номера гостиницы,

чем больничные боксы: индивидуальные санузлы, кондиционеры, нормальные кровати без пресловутой сетки, просевшей до пола. В штат взяли молодых менеджеров, которые начали продавать платные услуги так бойко, что касса трещала по швам.

Эльдар, как и многие старые сотрудники, сначала косился. Но быстро привык, потому что новое оборудование позволяло делать то, о чём раньше можно было только мечтать. Теперь он оперировал лапароскопом, который сам регулировал давление газа, а не как раньше — на глазок и молитву.

Куницкий оказался не просто хозяйственником, а ещё и депутатом в областной администрации. У него были связи в министерстве — какие-то старые институтские друзья, кумовья, сослуживцы, точно никто не знал. Но стоило главному позвонить кому-то, как утром привозили то, что другие больницы ждали годами.

Эльдар видел эту кухню и понимал: связи и деньги — великая сила. Они могущественнее любого таланта. Можно быть хоть трижды гениальным хирургом, но без нормальной оптики или шовного материала твои руки — просто руки.

Куницкий к Эльдару благоволил. В первые же недели он зашёл в операционную, посмотрел, как тот работает, а потом в коридоре сказал старшей медсестре Римме Петровне: «Этот парень — золото. Не потеряйте мне его». С тех пор Эльдар получал лучшие дежурства, премии и возможность оперировать сложные случаи, которые раньше отправляли в

Москву.

Они даже иногда обедали вместе в кабинете главного. Куницкий расспрашивал о жизни, о бабушке — Эльдар честно рассказал про болезнь и про поездки по выходным. Главный слушал внимательно, кивал и однажды бросил:

- Знаешь, Юдин, я таких как ты уважаю. Молчаливых и надёжных. Семья — это святое.

Тогда Эльдар не придавал этим словам значения. А зря.

Яна появилась в дверях кабинета Куницкого под вечер пятницы. Эльдар как раз зашёл подписать историю болезни после операции — плановой холецистэктомии, всё прошло гладко. Он поднял глаза и чуть замедлил шаг.

Дочь главврача оказалась высокой, светловолосой и — это было заметно даже при первом взгляде — совершенно, абсолютно не его типажом. Такие женщины, по опыту Эльдара, любили громкие голоса, дорогие рестораны и мужчин, умеющих врать красиво. Она стояла, прислонившись к косяку, и смотрела на отца с той особенной смесью обожания и капризности, которую Эльдар видел только у избалованных детей.

- Пап, — сказала она, не обращая на хирурга никакого внимания, — ну сколько можно? Я уже третий раз к тебе прихожу, а ты всё занят.

Куницкий виновато развёл руками и представил:

- Яна, это Эльдар Юдин, наш лучший хирург. Эльдар, это моя дочь.

Она скользнула по нему взглядом — быстрым, оценивающим, как если бы прикидывала, сколько стоят его ботинки (дёшево, пять тысяч на распродаже три года назад). И тут же отвернулась.

Эльдар внутренне усмехнулся и забыл об этой встрече к вечеру того же дня.

Но Яна не забыла.

Она стала появляться в больнице чаще. Сначала — под предлогом «папа забыл дома документы», потом — «хотела просто посмотреть, как вы работаете». Эльдар замечал её всё время: в коридорах, в столовой, однажды даже у операционного блока, откуда посторонних обычно гоняли поганой метлой.

А потом она пришла к нему сама.

- Эльдар, — сказала она, перекрывая ему путь в ординаторской, — вы какой-то странный. Я уже месяц здесь кручусь, а вы на меня даже не смотрите. Обидно.

Он пожал плечами:

- Я на работе, Яна. У меня пациенты.

- А после работы?

- После работы я отдыхаю.

Она рассмеялась — звонко, уверенно, так смеются девушки, которых никогда не отправляли домой с пустыми руками. И сказала:

- А знаешь, мне это даже нравится. Ты не ведёшься.

Через две недели они уже встречались. Эльдар не почув-

ствовал ни любви, ни даже влюблённости. Яна была красивой — это факт. Ухоженной. Смешливой. Иногда забавной. Но внутри у него не трепетало, не болело, не пело. Просто было тепло — не больше, чем от хорошего пледа в холодную ночь. И Эльдар честно задал себе вопрос: что он вообще чувствует к этой женщине?

Ответа не было.

А потом случился разговор с отцом. Точнее, не разговор — телефонный звонок, короткий и ёмкий.

- Слышал, у тебя там начальственная дочка на крючке, — глухо сказал Виктор Юдин.

- Не на крючке, пап. Просто встречаемся.

- А ты подумал, зачем ты ей? — отец не повышал голос, как и всегда. — Ты сам посмотри на неё. И на себя.

Эльдар тогда молча сбросил звонок. Но слова засели, как заноза.

Он посмотрел на свою жизнь: съёмная однушка, кредит за старый «фольксваген», который всё равно требовал ремонта каждые три месяца, бабушка, чьё лечение стоило уже под миллион, и тот самый немецкий профессор-невролог, который согласился её принять только после предоплаты в пятнадцать тысяч евро.

Пятнадцать тысяч евро. Это полтора года его зарплаты. Если не есть, не платить за квартиру и не заправлять машину.

А потом он вспомнил родителей. Большую любовь — ту

самую, про которую ему рассказывала бабушка. Мать якобы бегала на свидания с отцом через весь город, босиком по лужам. Они поженились через три месяца после знакомства. И что из этого вышло? Мать сбежала с коммерсантом, отец двадцать лет молчит, как рыба об лёд, а Эльдар до сих пор вздрагивает, когда слышит слово «любовь» в песнях по радио.

Любовь — это красивая сказка для дураков. Или для богатых, у которых есть время на глупости.

Эльдар наступил на свою совесть. Тихо, без надрыва, как наступают на стекло, когда вокруг больше нет дороги.

Он сделал Яне предложение. На юбилее Куницкого, под бокал шампанского, в красивом ресторане, где он чувствовал себя ряженым. Яна заплакала — от счастья, как она сказала. Куницкий поднял тост за будущих молодожёнов. Эльдар улыбнулся — и ни одна мышца на его лице не дрогнула.

Он женился. И получил всё, что обещала эта сделка.

Трёхкомнатная квартира в элитном районе, откуда до его больницы было двадцать минут на машине. Новая машина — внедорожник, о котором он когда-то даже не мечтал. И совершенно другой уровень дохода: тесть открыл ему доступ к деньгам так же легко, как доступ к пациентам в платном отделении.

И наконец бабушку отправили в Германию.

Эльдар сам проводил её в аэропорт. Она была худая, светлая, смотрела на внука с тревогой и любовью.

- Элик, — позвала она его старым, детским именем. — Ты счастлив?

- Конечно, бабушка, — ответил он. — Всё хорошо.

Она покачала головой, но ничего не сказала. Старые люди умеют молчать, когда видят, что лучше не беречь душу своей кровиночки.

Самолёт улетел. Эльдар остался в пустом зале аэропорта, глядя на табло, где горел зелёным рейс до Франкфурта. В руке дрожал телефон — от Яны пришло сообщение: «Сладкий, ты скоро? Купи по дороге суши, те, которые я люблю». И от этого «сладкий» его передёрнуло.

Он купил. Конечно, купил.

Меняешь совесть на здоровье бабушки — это называется не подлость, а взрослость. Так он сам себе объяснял. И почти верил.

Глава 3

Решение пришло не как озарение, а как скальпель в руке: холодный, точный, необходимый.

Эльдар не был наивен. Он понимал: если просто разорвать отношения с Яной и хлопнуть дверью, тесть в два счёта отзовёт всё. Квартиру, машину, доступ к деньгам, а заодно — доброе имя в медицинских кругах. Куницкий был человеком старой закалки: друзей не бросал, но и врагов прощать не умел. А зять, посмевавшийся бросить его дочь, автоматически становился врагом.

Значит, нужно было создать своё. Такое, чего у него не отнимут.

Первый год после того сообщения от «Саша Фитнеса» Яне, Эльдар работал как одержимый. Он освоил новую для себя специальность — переговорщика. Каждое утро начиналось не с обхода палат, а с кофе с потенциальными инвесторами. Каждый вечер — с таблиц в Excel, куда он вносил расчёты окупаемости оборудования. Он спал по четыре часа, но глаза горели. Впервые за долгое время Эльдар чувствовал вкус жизни — острый, как свежий перец, пряный, как хорошее вино.

Он больше не был мужем при деньгах. Он стал охотником. Воспользовавшись статусом «зять Куницкого», в старом

двухэтажном здании поликлиники начал делать ремонт первого этажа и открыл первые кабинеты с платными услугами. Дальше больше.

Клинику он назвал просто — «Юдин-Центр». Никаких пафосных «медицинских кластеров» и «институтов здоровья». Только фамилия, которую он носил с достоинством.

Деньги на старт он собрал по частям. Часть — кредит, на который он рискнул, заложив подаренную тестем квартиру (Яна об этом не знала — ещё одна маленькая ложь, на которую он пошёл без зазрения совести). Часть — старые связи Куницкого, которые Эльдар аккуратно, вежливо, с хирургической точностью перетянул на свою сторону. Ещё часть — самые дорогие пациенты из платного отделения, которые ушли за ним, потому что «Юдин — это гарантия, а гарантии в нашей стране на вес золота».

Когда клиника открылась — скромно, без фанфар, но с новейшим японским оборудованием и операционной, которая соответствовала европейским стандартам, — Эльдар сделал второй ход.

Он созвонился со своими сокурсниками.

Их было четверо. Игорь Туманов — лучший анестезиолог на курсе, теперь работавший в районной больнице и подрабатывавший таксистом по ночам. Лёня Барских — кардиохирург от Бога, который последние три года оперировал с китайскими стентами и вечно улыбался, чтобы не разреветься от бессилия. Серёжа Каплан — нейрохирург с руками вир-

туоза и зарплатой, которая в Москве считалась бы смешной. И Кристина Полуянова — талантливый реаниматолог, мать-одиночка, которая тащила на себе двоих детей и дырявую реанимацию, где умирали пациенты из-за старого наркозного аппарата. С ней он работал с первых дней своей трудовой деятельности. Она была не просто сокурсница и коллега. Она была не просто товарищ. Она стала ему как сестра, как зеркало его души.

Эльдар помнил их всех. Помнил, как они сидели в дешёвой столовке после операций, пили чай с карамельками и мечтали. О нормальной работе. О справедливости. О том, чтобы однажды проснуться и не бояться, что завтра нечем будет кормить детей.

- Я открываю клинику, — сказал он каждому при личной встрече. — Приходи. Будешь получать в десять раз больше. Оборудование — лучшее. Пациенты — платёжеспособные. И никакой бюрократии, я беру всё на себя.

Они не поверили сначала. Привыкли, что жизнь режет больнее, чем любой скальпель. Но пришли. Все четверо. Потому что терять им было нечего, кроме цепей.

И начался новый этап.

Клиника взлетела быстро — за полгода. Эльдар оказался не просто талантливым хирургом, но и прирождённым управленцем. Он понимал главное: в бизнесе, как и в хирургии, нельзя действовать на «авось». Каждое движение должно быть выверено. Каждое решение — продумано. Его ко-

манда работала как часы: Игорь спасал пациентов на стыке жизни и смерти, Лёня ставил стенты там, где другие боялись открыть грудную клетку, Серёжа доставал пули и опухоли из головного мозга с ювелирной точностью, а Кристина по ночам сидела в реанимации, и ни один пациент не умер у неё на глазах без борьбы.

К тридцати пяти годам Эльдар Юдин имел всё.

Собственную клинику с годовой выручкой, о которой раньше не смел и мечтать. Две машины — рабочую и свою. Счёт в банке, который рос не по дням, а по часам. И, что важнее всего, — свободу. Ограниченную пока кольцом на пальце, но уже осязаемую, как свежий ветер перед грозой.

Про любовниц Эльдар себе не врал. Он не искал чувств — зачем? Чувства делают человека уязвимым, а он наступил на эту грабли дважды. Первый раз — в детстве, когда любил мать, которая ушла. Второй раз — когда поверил в честность сделки с Яной.

Теперь он выбирал женщин так же, как выбирал оборудование для клиники: функционально, эстетично и без лишних обязательств.

С Алиной он познакомился на конференции в Питере. Красивая, умная, независимая — она руководила отделом продаж медицинского оборудования и знала о хирургии больше, чем иные профессора. Их встречи были редкими, страстными и не оставляли следов. Никаких «доброе утро» по утрам. Никаких совместных завтраков. Только два взрос-

лых человека, которые брали от жизни лучшее и не пытались друг друга приручить.

С Мариной. Она работала массажисткой в салоне красоты, была на десять лет младше, смотрела на Эльдара как на бога и никогда не просила его остаться на ночь. С ней было легко и спокойно. Она не интересовалась его деньгами, не пыталась залезть в душу, не требовала обещаний. Просто ждала его звонков и радовалась, когда он приезжал.

Эльдар не врал им, потому что врать было выше его новой философии. Он честно сказал каждой: «Я не свободен в юридическом смысле. Но я не люблю свою жену. И я не обещаю тебе будущего. Если тебя это устраивает — мы вместе. Если нет — я пойму».

Они остались. Обе.

И вот тогда, когда всё наконец сложилось, когда клиника встала на ноги, а сердце перестало ныть по утрам от тоски по чему-то настоящему, Эльдар решился на главный разговор.

Он пришёл к тестю в кабинет. Без Яны. По-мужски.

- Борис Семёнович, — сказал он, глядя прямо в глаза главному врачу, который когда-то дал ему путёвку в жизнь. — Мне нужно поговорить с вами о разводе.

Куницкий долго молчал. Сидел в своём огромном кресле, вертел в руках ручку и смотрел на зятя — теперь уже бывшего — с выражением, которое трудно было прочесть.

- Думаешь, я не знаю? — наконец сказал он.

- О чём?

- О том, что ты ей не нужен. И она тебе. Яна ко мне пришла полгода назад, просила благословить на развод. Но я сказал — пусть Юдин сам решит. Хотел посмотреть, есть ли в тебе стержень.

Эльдар удивился — впервые за долгое время по-настоящему.

- Она сама готова?

- Ты прекрасно знаешь, что она давным давно встречается с другим, — Куницкий махнул рукой. — С тем самым Сашей. Тренер. Молодой, красивый, без царя в голове. Но любит её. По-настоящему, как мне кажется. — Он вздохнул. — Яна — девочка взрослая. Я больше не имею права указывать ей, с кем быть. Как и тебя держать в этой семье, если вы оба хотите свободы.

Развод оказался на удивление лёгким. Яна пришла к нотариусу с сияющими глазами и папкой документов, которую подготовил её адвокат. Никаких претензий к бизнесу Эльдара. Никаких попыток что-то отсудить. Никаких истерик.

- Ты был хорошим мужем, — сказала Яна, ставя подпись. — Для роли. Но я, наверное, слишком поздно поняла, что мне нужен не статус, а живой человек.

- Я тоже, — ответил Эльдар и не соврал. Он понял это в тот самый момент, когда посмотрел на уведомление от «Саша Фитнеса» и не почувствовал ничего, даже холодной обиды на нарушенные правила игры.

Детей они не нажили. Слава богу. Он ушёл, как настоя-

щий мужчина, забрав из квартиры, что подарил им бывший тесть, только свои вещи.

После развода Эльдар купил себе квартиру и сидел на балконе с видом на город — и пил виски. Один. Без жены. Без Алины, без Марины, без шумных поздравлений от команды.

Он всё выиграл. Клиника работала. Бабушка вернулась из Германии почти здоровой, смеялась и пекла пирожки. Отец — нет, не начал разговаривать, но однажды прислал СМС: «Молодец, сын». Это было больше, чем за двадцать пять лет молчания.

И он был свободен. Полностью. Впервые в жизни.

Эльдар поднял бокал и посмотрел на своё отражение в тёмном стекле. Тридцать пять лет. Своя клиника. Свои правила. И никакой любви — только то, что работает.

- За нас, — сказал он пустоте. — За тех, кто не сломался.

Но в животе что-то сжалось. Не больно. Но смутно. Так сжимается что-то важное, о чём ты забыл, но что когда-то обещало тебе счастье.

Эльдар допил виски и решил не думать об этом. В конце концов, он хирург. А хирург знает: если что-то не болит — значит, отрезали лишнее.

Он отрезал. Всё. И теперь можно жить.

Глава 4

Свобода оказалась удивительно кайфовой.

Первые месяцы после развода Эльдар летал. Он просыпался по утрам без тяжёлого груза в груди, пил кофе и чувствовал, как солнечный свет ложится на плечи — невесомый, тёплый, ничем не обязанный. Клиника работала как отлаженный механизм. Счёт в банке рос. График операций был расписан на три месяца вперёд. Казалось, жизнь наконец-то зазвучала в унисон с его внутренним ритмом.

А потом это «теперь можно жить» начало приедаться.

Не вдруг. Не как удар под дых. А постепенно — как если бы с любимого блюда сняли пряности, оставив одну пресную основу. Ещё неделю ты ешь и не замечаешь. Ещё месяц — начинаешь подсаливать. А через полгода понимаешь, что тоска по вкусу превратилась в хронический голод.

Эльдар не знал, чего ему не хватает. Работы было много — она насыщала, как всегда. Денег было достаточно — но они перестали радовать. Женщины были — но их появление в его жизни стало настолько предсказуемым, что потеряло всякий вкус.

Алина получила повышение, новый уровень, слишком занята, чтобы встречаться раз в две недели. Они расстались без слёз, без обид, почти с облегчением. Марина ещё остава-

лась — встречи по вторникам и пятницам, улыбалась, делала массаж, не задавала вопросов. Но Эльдар ловил себя на том, что смотрит на часы в её присутствии. Не потому, что она была скучной. Просто потому, что внутри него завелась какая-то тихая, зудящая пустота, которую не могли заполнить ни её руки, ни её молчаливая преданность.

И теперь в клинике появились медсёстры.

Нет, они всегда были. Но раньше — в период брака, перманентной усталости и бесконечной стройки бизнеса — Эльдар просто не замечал их. Как не замечают мебель в кабинете, когда решаешь сложные задачи. Теперь же, когда задачи были решены, а взгляд освободился для деталей, он увидел.

Их было много. Молодых, красивых, с идеально покрашенными ресницами и короткими халатами, которые почему-то стали ещё короче за последний год. Они возникали в операционной с чашками кофе, которых он не заказывал. Подолгу задерживались в ординаторской, когда он заполнял истории болезней. Находили тысячу причин зайти в кабинет — то бланки подписать, то уточнить назначения, то просто «вы не видели, куда я закатала ручку?».

Эльдар видел всё. Руки, которые «случайно» касались его спины в коридоре. Улыбки, которые предназначались только ему. Взгляды, которые раздевали с той же тщательностью, с какой он препарировал брюшную полость. Взгляды, полные расчёта, надежды и отчаянной решимости захомутать «перспективного, харизматичного хозяина клиники».

Он был для них призом. Кушем. Билетом в ту самую жизнь, которую построил для себя.

Эльдар смотрел на них спокойно, без злости, но и без тепла. Он знал эту игру. Он сам был когда-то бедным, голодным до жизни и готовым на всё. Девушки хотели не его. Они хотели его кошелёк, его квартиру, его статус. Так же, как Яна когда-то хотела удобного мужа, а сам он — лечения для бабушки.

Они уходили обиженные, но не сломленные. Эльдар знал: завтра появится другая. Или послезавтра. Потому что такие, как он — состоявшиеся, свободные, в самом соку — для девушек были как горячие пирожки на морозе: хватают, не глядя, обжигаются, но лезут снова.

Всё это стало отравлять жизнь. Не резко, не больно, а тошнотворно, как пересоленная еда.

Однажды вечером, после особенно тяжёлой операции — полостной травмы, пациента еле откачали, — Эльдар сидел в своём кабинете и перебирал бумаги. Голова гудела. В груди саднило от усталости, которую не снимал даже двойной эспрессо.

Дверь открылась, вошли Сергей и Игорь с Лёней.

- Не спишь? — спросил Игорь, кидая на стопку историй пачку сигарет — его вечный ритуал, хотя курить они выходили на улицу.

- Не видно? — буркнул Эльдар.

Лёня достал из кармана халата бутылку коньяка — при-

личного, армянского.

- Расслабься, начальник. Ты последнее время ходишь как в воду опущенный. Пациенты замечают.

- Пациенты приходят лечиться, а не на моё настроение смотреть, — отрезал Эльдар, но рюмку взял. Коньяк обжёг горло и разлился по телу приятным, расслабляющим теплом.

Они пили молча. Потом Игорь, который всегда был самым прямым, отставил рюмку и посмотрел на Эльдара в упор.

- Слушай, Юдин. Мы хотим тебе кое-что сказать. Как друзья.

- Вы друзья? — усмехнулся Эльдар.

- Мы тебе друзья, — вмешался Лёня. — Поэтому и скажем. Ты изменился. И не в лучшую сторону.

Эльдар поднял бровь.

- Это ты о чём?

- О том, что из целеустремлённого, верного себе парня, который тащил на себе маму-бабушку и хотел стать лучшим хирургом, ты превратился... — Игорь поискал слово. — В циничного женоненавистника.

- С чего ты взял?

- С того, — Игорь повысил голос — редкость для него, всегда спокойного анестезиолога. — Ты посмотри на себя. Любовницы, которых ты меняешь как перчатки. На медсестёр смотришь как на... ну как на предмет для снятия физического желания. Иногда.

- Иногда? — усмехнулся Серёга. — Всегда.

Эльдар хотел огрызнуться. Сказать, что они ничего не понимают. Что он имел право. Что после Яны, после матери, после всего — он заслужил не вкладываться, не страдать, не ждать предательства снова.

Но слова застряли в горле. Потому что мужики были правы. Они видели его каждый день. И они не были посторонними — они тащили с ним клинику, они перевезли свои семьи в город, они звонили жёнам и спрашивали, как дела у детей. У них была жизнь. Настоящая. С ссорами, примирениями, с детскими истериками и совместными ужинами.

А у Эльдара была пустая квартира и женщины, которые удовлетворяли его по графику.

- Мы не осуждаем, — мягко добавил Лёня. — Мы тебя предупреждаем. Ты заслуживаешь быть счастливым. По-настоящему. А не просто... функционировать.

- С какой стати вы решили, что я несчастлив? — спросил Эльдар, чувствуя, как голос предательски дрожит. — У меня всё есть. Клиника. Деньги. Свобода.

- Свобода от чего? — Игорь покачал головой. — От боли? От страха? От обязательств? Эль, это не свобода. Это клетка. Просто с золотыми прутьями.

Повисла тишина. Эльдар смотрел в свою рюмку, где на дне осталось несколько капель коньяка. За окном темнело, и в стекле отражались четыре мужских силуэта — три счастливых, один — очень красивый и очень одинокий.

- И что вы предлагаете? — глухо спросил он.

- Посмотреть на женщин не как на предмет, — Лёня улыбнулся. — А как на перспективу. Найти своё счастье. Не с первой встречной, конечно. Но перестать бояться. Перестать думать, что все они — как твоя мать или как Яна.

- Все люди разные, — добавил Серёга. — И даже если ты обожжёшься ещё раз — это лучше, чем вообще не жить. Хирург ты или кто?

Эльдар промолчал. Он знал, что они правы. Но знание — это одно. А способность поверить — совсем другое.

Ночью он не спал. Лежал в своей огромной постели, смотрел в потолок и перебирал в голове лица женщин, которые прошли через его жизнь за последние два года. Алина, Марина, Леночка из приёмного покоя и т.д. и т.п. Их имена, которые выветрились из памяти быстрее, чем запах антисептика с рук.

Ни одна из них не задела его за живое. Ни одна не заставила сердце биться чаще, чем на тренировке. Ни перед одной он не чувствовал той глупой, опасной, совершенно нерациональной нежности, которая заставляет мужчин совершать подвиги и идиотства.

Может быть, их правда — Игоря, Серёги и Лёни — была в том, что он разучился эту нежность чувствовать. Заблокировал, как боль при операции. И теперь всё ещё продолжает жить с анестезией души, не понимая, что давно пора снять капельницу.

Эльдар закрыл глаза и решил: завтра он подумает об этом

снова. Возможно, даже поговорит с кем-нибудь. Например, с Кристиной. Она всегда чувствует его где-то на подсознании. Или не поговорит. Или продолжит жить, как жил.

Но внутри уже что-то шевельнулось. Маленькое, тёплое, давно забытое. То самое, которое когда-то заставляло его верить, что есть на свете не только сделки, удобство и цинизм. Что есть ещё что-то, ради чего стоит рискнуть.

Глава 5

Вика влетела в «Юдин-Центр» как ураган. Не оглядываясь на вывеску из чёрного мрамора, не замечая дорогого кожаного дивана в зоне ожидания, не обращая внимания на запах денег и стерильности, который здесь, кажется, вьелся в стены.

- Помогите! — крикнула она.

Но никто не отреагировал.

Дед старенький, в старом пуховике, в растянутом свитере и потёртых ботинках, сидел на тротуаре у входа, прижимая руку. Лицо белое, губы сжаты в нитку, на лбу — бисеринки пота. Он упал. Поскользнулся прямо перед клиникой. И теперь сидел, боялся пошевелиться.

- Что с вами! — крикнула Вика, присаживаясь рядом с ним на корточки. — Дед, ты как? Где болит?

- Рука... — прошептал он. — Кажется, сломал...

Дед попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой. В глазах — боль и растерянность. Он был чужой. Прохожий. Но для Вики это ничего не значило. Чужой боли не бывает. Она подхватила его под локоть здоровой руки, помогла подняться и, не спрашивая ничьего разрешения, ввела в клинику.

В холле пахло дорогим кофе и респектабельностью. За

стойкой администратора сидела девушка с идеальной укладкой и каменным лицом — та самая, которая умела улыбаться только в ответ на оплаченный счёт. Вика подвела деда к креслу, усадила, повернулась к администратору.

- Ему нужна помощь. Он, похоже, сломал руку.

Администратор скользнула взглядом по потрёпанной куртке деда, по его растоптанным ботинкам, потом перевела глаза на Вику — строгую, с высоким хвостом и решительным лицом.

- Вы записаны? — спросила она ледяным тоном.

- Какая запись? — Вика почувствовала, как внутри закипает. — Человек упал перед вашим крыльцом. Ему нужна помощь.

- Я понимаю, — администратор сохраняла профессиональное спокойствие, но в глазах мелькнуло что-то — то ли раздражение, то ли скука. — Мы можем вызвать скорую. Отвезут в травмпункт.

- Вы больница или нет? — голос Вики поднялся на октаву. — У вас есть врачи, есть рентген, есть всё. А вы предлагаете вызвать скорую, чтобы его везли в какую-то муниципальную дыру, где он просидит в очереди до утра? Вы что, только бабло умеете грести? Клятва Гиппократа здесь не работает?

Администратор побледнела. Не от страха — от злости. Она взялась за телефон, собираясь, видимо, вызвать охрану. Но в этот момент дверь кабинета в конце коридора открылась, и на пороге появился мужчина.

Высокий. Широкоплечий. В белом халате. Тёмные волосы чуть растрёпаны — то ли только что с операции, то ли просто не до причёски. Лицо спокойное, усталое, но глаза — цепкие, изучающие, те самые, которые, кажется, видят всё насквозь.

- Что случилось? — спросил он ровно. Ни на кого конкретно не глядя, но голос был такой, что администратор вытянулась в струну.

- Эльдар Викторович, эта девушка... — начала было та.

- Никакая не «эта девушка». — Вика повернулась к нему, и в её глазах горели искры. — Человек упал перед вашей клиникой. Ему нужна помощь. Скорее всего, перелом руки. А ваша сотрудница предлагает вызвать скорую и отправить его в травмпункт. Хотя у вас здесь есть всё. И клятва Гиппократата, между прочим, работает для всех, а не только для тех, у кого кошелёк толще.

И между прочим, не мешало бы ещё перед входом посыпать пескосоляную смесь. Или вы на дворнике экономите?

Она замолчала, переводя дух. Стояла напротив него — прямая, с мокрыми от снега волосами и красными от холода щеками. И не боялась. Ни его статуса, ни его халата, ни его ледяного взгляда.

Эльдар смотрел на неё. Долго. Так, что администратор заёрзала на месте. Потом перевёл взгляд на деда. Тот сидел, сжимая руку, и старался не стонать.

- В кабинет три, — сказал Эльдар коротко. — Снимок,

гипс. И подготовьте направление к травматологу.

- Эльдар Викторович, но у нас запись... — попробовала возразить администратор.

- Я сказал, — он посмотрел на неё, и она замолчала на полуслове.

Он подошёл к деду, присел на корточки, осторожно взял его за руку.

- Как упали? — спросил тихо.

- Поскользнулся, сынок, — дед посмотрел на него благодарными, слезящимися глазами. — Шёл, торопился, не удержался.

- Сейчас посмотрим. Больно будет — скажите.

Он помог деду подняться, повёл в кабинет. У двери обернулся. Посмотрел на Вику — уже не так, как в первую минуту. Внимательно, изучающе.

- Вы с ним? — спросил.

- Нет, — ответила Вика. — Я просто мимо шла. Увидела, что человеку плохо.

Он кивнул. И ушёл в кабинет, закрыв за собой дверь.

Вика осталась стоять в холле. Администратор смотрела на неё волком, но промолчала. Вика села в кресло рядом с тем, где только что сидел дед, выдохнула, провела рукой по лицу. Что она делала здесь? Ворвалась, нахамила, устроила скандал. А теперь сидит и ждёт.

Телефон звякнул. Мама: «Ты скоро? Ужин стынет».

Вика набрала в ответ: «Задерживаюсь. Помогаю челове-

ку».

И сама не поверила в эту фразу. Она никому не помогала. Она просто влезла не в своё дело, как всегда. И теперь сидит в чужой клинике, ждёт, когда какой-то врач с усталыми глазами выйдет и скажет, что с дедом всё в порядке.

«Эльдар, — подумала она. — Эльдар Викторович».

Дверь кабинета открылась. Эльдар вышел, снял перчатки, бросил их в контейнер. Увидел Вику, остановился.

- Перелом лучевой, — сказал он. — Накладываем гипс. Потом направление, реабилитация. Контрольный снимок.

- Спасибо, — сказала Вика. — Я... я подожду, пока ему помогут.

- Ждите, — он кивнул и пошёл к себе в кабинет.

На полпути остановился. Обернулся.

- Как вас зовут?

- Вика, — ответила она.

- Вика, — повторил он. И усмехнулся — едва заметно, уголками губ. — Запомню на случай, если в следующий раз захотите устроить скандал в моей клинике.

- Я не устраивала скандал, — возразила она. — Я просто требовала, чтобы человеку помогли.

- В следующий раз просто скажите: «Эльдар, нужна помощь». Без крика. Договорились?

Она хотела огрызнуться, но передумала. Потому что он улыбался — чуть-чуть, но улыбался. И эта улыбка делала его лицо совсем другим — не усталым, не каменным, а почти

домашним.

- Договорились, — ответила она.

Он кивнул и ушёл в кабинет. А Вика осталась сидеть в кресле, чувствуя, как внутри разливается что-то тёплое, непонятное.

Глава 6

Дед — Пётр Фёдорович, как выяснилось по документам, которые он дрожащей рукой достал из внутреннего кармана пуховика, — вышел из кабинета с гипсом на правой руке, с пакетом лекарств и с выражением глубочайшей благодарности на морщинистом лице.

- Спасибо вам, дочка, — не уставал повторять он, обращаясь к Вике. — И вам, доктор, спасибо. Не ожидал, честно говоря, что в такой-то клинике... ну, вы понимаете.

- Понимаю, — сухо ответил Эльдар, но в голосе не было обиды. — Держите руку в покое, потом на контрольный снимок. И не торопитесь к внукам. Внуки никуда не денутся.

- Пётр Фёдорович, — сказала Вика, придерживая его за локоть здоровой руки, — я вас провожу. Вы далеко живёте?

- Да вот, за углом, — дед кивнул в сторону улицы. — Пять минут ходьбы. Не надо меня провожать, я сам...

- Сами вы упадёте ещё раз, — твёрдо сказала Вика. — Провожу.

Она оглянулась на Эльдара, хотела сказать что-то на прощание, но передумала. Кивнула коротко и повела деда к выходу.

На крыльце их накрыл густой, тяжёлый снег. Он падал крупными хлопьями, залеплял глаза, таял на щеках. Улица

была белой, пушистой и тихой — только редкие машины проезжали мимо.

Вика помогла деду спуститься по ступеням, поддерживая его под руку.

- Осторожнее, Пётр Фёдорович, здесь скользко.

- Да уж, скользко, — дед кряхтел, но улыбался. — Молодость ты моя, как же хорошо, что ты мимо проходила. А то сидел бы я там до ночи, а то и до утра. Не любят они таких, как я.

- Не любят таких? — голос Вики стал жёстче. — Врачи должны лечить всех. А остальное — политика.

- Политика-то политика, а руку мне вправили. И спасибо тебе за это.

Они уже почти дошли до угла здания, когда из дверей клиники вышел Эльдар.

Вика заметила его краем глаза. Остановилась. Потому что он выглядел... по-другому. Не как врач в белом халате, уставший и строгий. А как мужчина.

В лёгкой дублёнке чёрного цвета, нараспашку. Под ней — тёмный свитер, облегающий широкие плечи. Чёрные джинсы. Ботинки начищены до блеска, даже сквозь снег видно. Лицо спокойное, свежее, и этот его взгляд — тёмный, глубокий, который, кажется, видит не только лицо, но и душу.

«Глаз не оторвать», — подумала Вика. И тут же одёрнула себя. Не время. Не место. Не тот мужчина, который будет смотреть на неё иначе как на случайную прохожую, устроив-

шую скандал.

Эльдар подошёл к ним, посмотрел на деда, потом на Вику.

- Пётр Фёдорович, — сказал он, — разрешите, я помогу. Дойдём вместе.

- Ох, доктор, не надо, — замахал тот здоровой рукой. — Мы уже почти пришли.

- Почти — не считается, — Эльдар мягко, но уверенно взял деда под руку, смещая Вику. — Давайте я. А вы, Вика, — он посмотрел на неё, и в глазах мелькнуло что-то, — подстрахуйте с другой стороны.

Она не спорила. Подошла с другой стороны, взяла деда за локоть, и они втроём двинулись по заснеженной улице. Медленно, осторожно, обходя ледяные лужи.

- Вот так, — сказал Эльдар. — Втроём веселее.

Дед кряхтел, но довольно улыбался. Он смотрел то на одного, то на другую и, кажется, что-то понимал.

- А вы, доктор, — начал он, — женаты?

Эльдар усмехнулся.

- Был. Теперь холост.

- А вы, дочка? — дед повернулся к Вике.

- Тоже, — коротко ответила она.

- Значит, оба свободны, — дед хитро прищурился. — А погода-то какая! Снег, тишина. Прямо как в старых фильмах.

Вика почувствовала, как краснеют щёки. Не от мороза — от смущения. Она бросила быстрый взгляд на Эльдара. Тот

смотрел прямо перед собой, но уголки его губ чуть подрагивали. Ей показалось — или он сдерживает улыбку?

Дом Петра Фёдоровича оказался в двух шагах от клиники — пятиэтажка старой постройки, с облупившейся краской в подъезде и палисадником под окнами. У подъезда их уже ждали.

На скамейке, засыпанной снегом, сидела женщина лет пятидесяти — заплаканная, с телефоном в руке. Рядом, переминаясь с ноги на ногу, стоял мужчина — видимо, зять или сын.

- Папа! — женщина бросилась навстречу, едва не поскользнувшись. — Папа, ты где был? Мы уже звонить собирались...

- Тише, тише, — дед подставил щеку для поцелуя. — Живя. Руку сломал, но уже загипсовали. Вот, хорошие люди помогли. — Он кивнул на Вику и Эльдара. — Доктор из той самой клиники. И девушка добрая, мимо шла.

- Спасибо вам! — женщина, не сдерживаясь, бросилась к Вике, схватила её за руки. — Спасибо большое! Вы не представляете, мы волновались...

- Не за что, — ответила Вика, смущаясь от такого напора. — Он крепкий дедушка. Я просто помогла подняться.

Женщина повернулась к Эльдару, хотела схватить и его, но тот мягко отступил на шаг.

- Всё в порядке, — сказал он спокойно. — Пётр Фёдорович, не забывайте — на контрольный снимок. Если что —

звоните.

Он достал из кармана дублёнки визитку, протянул женщине. Та взяла, всё ещё вытирая слёзы.

Деда увели в дом — медленно, осторожно, поддерживая с обеих сторон. На прощание он обернулся, помахал здоровой рукой и крикнул:

- Вы, главное, друг друга не теряйте!

Вика покраснела ещё сильнее.

Эльдар стоял рядом, засунув руки в карманы, и смотрел на закрывшуюся дверь.

- Хороший дед, — сказал он.

- Да, — ответила Вика. — Хороший.

Она повернулась, собираясь уйти. Спасибо, до свидания, и разбежаться. Но он не дал.

- Вика, — позвал он.

Она обернулась.

- Да?

- Вы как? Замёрзли? — он посмотрел на её лёгкую куртку, на мокрые от снега волосы.

- Нормально, — ответила она. — Я на такси.

- Такси в такую погоду не скоро найдёшь. — Он кивнул в сторону улицы, где редкие машины проезжали мимо, не останавливаясь. — Давайте, я вас отвезу.

Она открыла рот, чтобы отказаться. Но он смотрел на неё — спокойно, без давления, и в этом взгляде было что-то такое, от чего слова застряли в горле.

Не наглость. Не настойчивость. Просто — предложение. Которое можно принять. Или не принять.

- Ладно, — сказала она.

Он кивнул, повернулся и пошёл к своей машине — чёрному внедорожнику, припаркованному у входа в клинику. Открыл дверь перед пассажирским сиденьем.

Вика села. Он закрыл дверь, обошёл машину, сел за руль. Завёл двигатель, включил печку.

В салоне было тепло, пахло кожей и лёгким, едва уловимым запахом его парфюма — древесным, горьковатым, мужским.

- Куда? — спросил он.

- Улица Свободы, дом двадцать четыре, — ответила Вика.

Он кивнул, плавно вырулил со стоянки.

Ехали молча. Снег за окном всё падал — крупный, тяжёлый, заметая следы. Дворники методично счищали его с лобового стекла. В машине было тихо и уютно.

Вика украдкой посмотрела на его профиль. Чёткая линия скул, прямой нос, чуть прищуренные глаза, сосредоточенные на дороге. Губы сжаты — но не строго, а задумчиво.

«О чём он думает? — подумала она. — О работе? О деде? О том скандале, который я устроила в его клинике?»

- Вы не переживайте, — сказал он вдруг, не глядя на неё. — Я не сержусь.

- На что? — не поняла она.

- На скандал, — он повернул голову, посмотрел на неё.

— Вы были правы. Пётр Фёдорович нуждался в помощи. А мы... мы иногда слишком заикливаемся на деньгах.

- Администратор, — уточнила Вика.

- И я, — добавил он. — Не слежу за тем, что происходит на пороге. Спасибо, что напомнили.

Она не знала, что ответить. Просто кивнула.

Машина остановилась у её дома с мусорными баками во дворе и вечно сломанным домофоном.

- Приехали, — сказал Эльдар.

- Спасибо, — Вика потянулась к ручке двери.

- Вика, — позвал он.

Она обернулась.

- Что?

- Спасибо вам, что вы сегодня меня встряхнули. Я как-будто ожил. Я бы хотел... — он помолчал, подбирая слова. — Я бы хотел вас пригласить на ужин. Не сегодня, конечно. Вы устали. И я тоже. Но... когда-нибудь. Если вы не против.

Она смотрела на него. На этого странного врача, который сначала выглядел как ледяная глыба, а потом вдруг оказался живым — с иронией, с усталостью, с этой заминкой в голосе.

- Ладно, — сказала она. — Когда-нибудь.

Он кивнул, чуть улыбнулся.

- Я позвоню. Как узнаю телефон.

Она усмехнулась, достала из кармана куртки визитку — из тех, что давала клиентам на работе — и протянула ему.

- Держите. Чтобы искать не пришлось.

Он взял, прочитал, хмыкнул, убрал в карман.

- До свидания, Вика.

- До свидания, Эльдар Викторович.

Она вышла из машины, захлопнула дверь. Машина не уезжала — он ждал, пока она зайдёт в подъезд.

Вика открыла дверь, вошла. Уже в тамбуре обернулась — внедорожник всё ещё стоял.

Она махнула рукой. Он мигнул фарами и тронулся.

Дорога была пустой — поздний вечер, снегопад. Он достал визитку. Прочитал снова.

Виктория Сергеевна Королёва. Ветклиника «Айболиктик».

- Королёва, значит, — сказал он вслух. — Ну что ж, посмотрим, кто кого.

Снег за окном всё падал. Город засыпало. И в этом снеге было что-то новое, чистое, обещающее.

Он нажал на газ и поехал домой. Думать о ней.

Глава 7

Вика поднималась по лестнице медленно. Ноги не слушались — не от усталости, от того, что в голове шумело. Неожиданно выпавший первый снег, клиника, дед, этот странный доктор с усталыми глазами и его внезапное «я хотел бы вас пригласить на ужин».

«Опять вляпалась», — подумала она, перешагивая через ступеньку. — «Вечно ты, Королёва, куда-нибудь вляпаешься».

Стычка с администратором. Скандал. Крик. А закончилось тем, что какой-то незнакомый мужик подвёз её до дома и позвал на ужин.

Она остановилась на площадке между этажами, прислонилась к перилам. Вспомнила Колю.

Тоже вляпалась. По полной.

Вика открыла дверь ключом. В квартире было темно и тихо. Пахло едой.

Мама ушла на ночную смену.

Она скинула куртку, прошла на кухню, налила себе чай. Села у окна, глядя на заснеженный двор.

«Ужин, — подумала она. — Вот так просто. Пригласил на ужин. После того, как я устроила скандал... в общем, всё высказала».

Она отпила чай, поставила чашку.

И вдруг улыбнулась. Сама себе. В пустую квартиру.

«А почему нет?»

И опять память услужливо подкинула воспоминания.

Два года назад. Вика ехала из суда, где развелась с мужем.

Автобус. Бабулька с перепуганным лицом шарил в сумке, а кондукторша стояла над душой и бубнила: «Не взяли пенсионное — не ездите. Или оплачивайте проезд полностью». Бабулька уже готова была заплакать, когда Вика не выдержала.

- Я за неё заплачу, — сказала она, протягивая деньги. — Она же пенсионерка. Неужели не видно?

Кондукторша буркнула что-то недовольное и пошла дальше. А бабулька рассыпалась в благодарностях, называла её «ангелом» и «золотой девушкой». Вика отмахнулась улыбаясь и вышла из автобуса.

И тут из задней двери автобуса выскочил парень. Молодой, симпатичный, с копной русых волос и обаятельной улыбкой. Подошёл, сказал: «Вы такая смелая и добрая. Можно с вами познакомиться?»

Коля. Ей тогда было двадцать три. Ему — двадцать два. Студент, как он говорил. Весёлый, лёгкий, комплименты сыпал как из рога изобилия. Вика подумала: «А почему нет? У мамы давление, она меня всё время допекает: найди нормального парня, роди внуков. Может, это тот самый?»

Четыре месяца. Четыре месяца, которые чуть не покати

её жизнь под откос.

Сначала всё было хорошо. Коля приходил с цветами, ходил в кино, строил планы. Потом начались просьбы. «Вик-куль, ты не могла бы занять мне пару тысяч до зарплаты?». Она занимала. Возвращал. Потом ещё. И ещё. Суммы росли. И вдруг Коля пропал — не звонил, не писал, не отвечал.

А потом объявились родственники. Двоюродный дядя её матери, троюродная тётя. Оказывается, Коля взял у них в долг, назвавшись её женихом. И не отдал.

Вика тогда впервые в жизни по-настоящему разозлилась. Не на Колю — на себя. На свою дурацкую привычку лезть в чужие дела, верить первому встречному, думать, что раз ты кому-то помогла, то теперь ещё должна и спонсировать.

Долги пришлось отдавать ей. Растянула на полгода, затынула пояс, отказалась от нового пальто. А Коля так больше и не появлялся.

Мама тогда сказала: «Что за девка у меня уродилась? Вроде красавица, голова на плечах, а твоя доверчивость и доброта — они ж тебя когда-нибудь доконают, как отца твоего. И меня заодно. Потому что я за тебя переживаю».

Вика тогда отшутилась. А внутри засело. Она дала себе слово: больше никаких «спасательных операций». Иди мимо. Не вмешивайся. У каждого свои проблемы.

Но слово, видимо, было не железное.

Потому что сегодня она опять вляпалась.

Посмотрела на стол. Под салфеткой — тарелка со слойка-

ми. С малиной. Её любимые. Рядом записка: «Викусь, я на смену. Картошка в духовке, не забудь нормально поесть. И звони, если что. Целую. Мама».

Вика улыбнулась, заглянула в духовку. Решила, что с неё хватит и чая со слойками. Взяла слойку, с хрустящей корочкой. Откусила, зажмурилась от удовольствия.

Села за стол. Тараканы в голове активизировались.

Мама с энтузиазмом взялась искать ей мужа. «Вика, у нас на работе новый начальник». «Вика, соседка предложила своего племянника, у него квартира в центре, бизнес». «Вика, ну сколько можно? Тебе уже двадцать пять, а ты всё одна и одна. Я внуков хочу понянчить».

Вика отбивалась. Говорила, что сама разберётся. Что не надо её сватать. Что она ещё молодая. Но мама не унималась.

«А может, сходить с этим доктором на ужин?» — подумала Вика, жуя слойку.

Один раз. Просто чтобы мама отстала. Сказать: «Вот, мам, я познакомилась с мужчиной, мы встречаемся, не надо меня сватать». А потом сделать вид, что не сложилось.

«Или не делать вид», — шепнул внутренний голос. — «А вдруг он и правда...»

Она отогнала эту мысль.

Выпила чай, помыла чашку, убралась на кухне. Прошла в свою комнату, достала пижаму, долго стояла под горячим душем, смывая с себя снег, усталость и этот странный, липкий день.

Уже лёжа в кровати, уставилась в потолок.

Визитку он взял. Значит, телефон у него есть.

«Позвонит? — подумала она. — Или не позвонит?»

Вспомнила, как он смотрел на неё. Как спросил: «Вы замёрзли?» — и в голосе была не простая вежливость, а что-то ещё. Тёплое. Живое.

Она закрыла глаза, укуталась в одеяло.

Снег за окном всё падал. Город засыпало. А где-то в другом районе, в другой квартире, мужчина в тёмном свитере смотрел на визитку, лежащую на столе, и думал о ней.

«Королёва», — повторил он про себя. — «Посмотрим».

А утром Вика проснулась от запаха кофе. Мама вернулась с ночной смены, уже хлопотала на кухне.

- Доброе утро, соня, — сказала она, когда Вика вышла в пижаме. — Как вчера? Поздно пришла?

- Нормально, мам.

- Ну и где ты была?

Вика помолчала. Потом сказала:

- В одной клинике. Помогала человеку. А потом... меня врач подвёз. На ужин пригласил.

Мама замерла с чайником в руке. Повернулась. Глаза округлились.

- Какой врач? Откуда? Почему я не знаю?

- Мам, не начинай, — Вика улыбнулась, взяла кружку. — Схожу один раз. Посмотрю. А там видно будет.

- Один раз, говоришь? — мама поставила чайник, упёрла

руки в бока. — А что за врач? Сколько лет? Женат? Дети есть?

- Мама!

- Ладно, ладно, — махнула рукой. — Расскажешь потом. Но если он тебя обидит — я сама с ним разберусь.

Вика рассмеялась, обняла мать.

- Не обидит, мам. Он... он нормальный. Кажется.

«Кажется», — повторила она про себя, допивая кофе. — «Посмотрим».

А в голове крутилось: «Королёва, ты опять вляпалась. Но, может, в этот раз — в хорошее?»

Глава 8

Эльдар не позвонил ни на следующий день, ни через два.

Он вообще не был уверен, что позвонит. Визитка лежала на столе в кабинете — скромный кусочек картона с именем «Королёва Виктория», номерами телефонов в ветклинике и её личным. «Ветеринар», — подумал Эльдар. — «Лечит кошек. И людей заодно, если те упали перед её носом».

Он усмехнулся и отодвинул визитку к стопке счетов за расходные материалы.

В понедельник была плановая операция — удаление желчного. Во вторник — консультации. В среду приехал представитель немецкой фирмы с новым артроскопом, и Эльдар провёл с ним три часа. К вечеру среды он решил забыть о сердобольной девушке.

Но она всплывала в голове в самые неожиданные моменты. Когда он пил кофе в ординаторской — вспомнил, как она кричала на администратора. Когда ехал домой по вечернему городу — вспомнил её лицо в свете приборной панели: покрасневшее, решительное. И оттого — живое.

«Хватит», — сказал он себе в четверг утром. — «Ты не мальчик. И не ищешь приключений».

Он нашёл в телефоне контакт Марины и написал: «Сегодня свободна? Заеду в восемь».

Марина ответила через минуту: «Жду».

Он заехал. Всё было как обычно: её маленькая квартира, запах зелёного чая, её руки, которые умели снимать напряжение. Она не спрашивала, почему его не было две недели. Не упрекала. Улыбалась — мягко, немного виновато, будто это она была ему должна.

Эльдар лежал на её диване, смотрел в потолок и чувствовал: ничего. Тепло. Уют. Но не то, что заставляет сердце биться чаще. Марина была как хорошее постельное бельё — дорогое, приятное к телу, но ты не думаешь о нём, когда выходишь из дома.

Он уехал в одиннадцать. Поцеловал её в щёку, сказал «пока», и всю дорогу домой молчал, сжимая руль.

В пятницу он сдался.

Достал визитку, набрал номер. Длинные гудки. Потом — её голос, чуть запыхавшийся:

- Алло?

- Вика? Это Эльдар Юдин. Из клиники.

Пауза. Он услышал, как она выдохнула — то ли удивлённо, то ли раздражённо.

- А. Здравствуйте. Я уже думала, вы не позвоните.

- Я тоже так думал, — честно сказал он. — Но вот позвонил.

Она хмыкнула. Не засмеялась — именно хмыкнула, как будто его честность её не удивила, но и не обрадовала.

- И по какому поводу?

- Я приглашал вас на ужин. Помните?

- Помню. Только теперь у меня встречный вопрос: зачем?

Эльдар моргнул. Он привык, что женщины соглашаются сразу. Или отказываются, но с намёком на «уговаривайте дальше». Прямой вопрос «зачем» выбивал из колеи.

- Что значит «зачем»? — переспросил он. — Мы познакомились. Мне показалось, что вы интересный человек.

- Я устроила скандал в вашей клинике, накричала на вашу сотрудницу и требовала бесплатной помощи. И после этого я вам показалась интересной?

- Да.

- Странно, — сказала она спокойно. — Обычно мужчинам нравятся девушки, которые молчат и улыбаются. А я не умею ни то, ни другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.